

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СЛОВАКИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ 2016–2020 ГГ.

© 2021 г. Ю. Остапец, А. Ключкович

*ОСТАПЕЦ Юрий Александрович, доктор политических наук, профессор,
Ужгородский национальный университет, Украина, 88000, Ужгород, ул. Университетская, 14
(yuriy.ostapets@uzhnu.edu.ua).*

*КЛЮЧКОВИЧ Анатолий Юрьевич, доктор политических наук, доцент,
Ужгородский национальный университет, Украина, 88000, Ужгород, ул. Университетская, 14
(anatoliy.klyuchkovych@uzhnu.edu.ua).*

Статья поступила в редакцию 28.05.2020.

Развитие партийной системы Словакии отражает ключевые тенденции политического развития стран Европейского союза, в которых ослабевают позиции системного партийного мейнстрима и усиливается роль популистских партий. Результаты парламентских выборов 2016 и 2020 г. показали, что партийная система Словакии в континууме между мейнстримом и популизмом еще больше приблизилась к популистскому формату. Среди основных причин подъема популизма в Словакии выделены: разочарование граждан деятельностью правящих элит; медиализация, персонализация и денационализация политики; низкий уровень институционализации политических партий и партийной системы в целом.

Ключевые слова: Словакия, парламентские выборы, партия “Смер – Социальная демократия”, партия “Обычные люди и независимые личности”, мейнстрим, правый популизм, евроскептицизм, антисистемные партии, институционализация партийной системы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-

После победы кандидата от партии “Прогрессивная Словакия” на президентских выборах, а представителей ее блока с политической партией “Вместе” на выборах в Европарламент в 2019 г. эксперты и аналитики заговорили о существенном росте рейтинга либеральных сил в словацком политикуме. Об этом свидетельствовали и данные социологических опросов накануне парламентских выборов. Однако в Словакии, как и в других странах Европейского союза до этого, по результатам парламентских выборов 2020 г. можно было наблюдать характерный триумф популизма, но только со словацкой спецификой.

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРТИЙНОГО ЛАНДШАФТА В СТРАНАХ ЕС

Результаты парламентских выборов в странах ЕС на протяжении последнего десятилетия свидетельствуют об эволюции партийно-политического ландшафта в сторону институционализации антисистемной политики, носителями которой являются, как правило, популистские партии.

Логику этих системных изменений можно описать следующим образом. В первые послевоенные десятилетия партийное пространство стран Западной Европы было структурировано мейнстримными партиями: консерваторами, либералами, христи-

анскими демократами, социал-демократами и др. Мейнстрим (основное течение) – преобладающее направление в какой-либо области (наука, культура, политика) для определенного отрезка времени.

Мейнстримные (традиционные, классические партии) возникли как кадровые и массовые партии. Кадровые партии, как носители консервативной и либеральной идеологии, представляли интересы привилегированных слоев общества, не имели массового членства и ориентировались исключительно на электоральный результат. Массовые партии отражали политические устремления социальных низов, обладали четко выстроенной организационной структурой и базировались на социалистической, коммунистической и фашистской идеологии¹. Появление массовых партий, обусловленное расширением избирательного права, стало генеральным трендом XIX – первой половины XX в. [1, с. 110].

Согласно С. Липсету и С. Роккану, эти партии отражали интересы социальных групп, которые находятся между собой в структурных конфликтах, возникших вследствие четырех типов размежеваний: центр – периферия, государство – церковь, город – село, собственники – наемные работники [2].

В процессе общественно-политической эволюции стираются различия между кадровыми

¹ По классификации партий французского политолога М. Дюверже.

и массовыми партиями, поскольку кадровые “обзаводятся” организационными структурами, а массовые — перестают быть такими в силу сокращения членской базы. Также между ними постепенно стираются идеологические различия, что приводит к появлению всеохватных партий. Типологические признаки таких партий следующие: а) сходство идеологических установок; б) укрепление позиций профессиональных политиков; в) уменьшение роли рядовых членов партии; г) электоральная стратегия, нацеленная на привлечение максимально широких слоев населения [3, сс. 337-340].

С конца 1970-х годов политический ландшафт западноевропейских государств обретает новую партийную “семью” — практически во всех европейских странах возникают организации “зеленых”. Это была первая волна возникновения партий постматериальных ценностей (другое название “партии новой политики”). Долгое время “зеленые” оставались единственным заметным институциональным следствием проникновения постматериальных ценностей в политическую сферу. Сама концепция постматериальных ценностей предложена в рамках теории “бесшумной революции” Р. Инглхарта. Ученый считает, что при переходе к постмодерну происходит “сдвиг от материалистических ценностей с упором на экономической и физической безопасности к ценностям постматериальным с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни” [4]. Конфликт “материальных и постматериальных ценностей” стимулировал возникновение новых партий и политических движений. Новый раскол спровоцировал возникновение так называемых движений “одной проблемы” [5, с. 21].

На исходе 1990-х годов появляется еще одна успешная партийная “семья” под общим названием “новые правые”/радикальные правые популисты. Их выход на авансцену западноевропейской политики, подчеркивает Г. Вайнштейн, приводит к качественному изменению политического пространства, обусловленному возникновением новой линии партийного противоборства — конфликта системного мейнстрима и противостоящего ему антисистемного популизма. По подсчетам Г. Вайнштейна, в XXI в. появилось 69 новых популистских партий, которые активно принимают участие в политической жизни европейских стран, что свидетельствует о существенном обновлении привычного ландшафта [6, с. 17].

Возникновение правых популистских партий (антисистемных) было реакцией на новый острый конфликт: глобализированные элиты — антиглобалистски настроенные массы. Одна из наиболее глубоких линий раскола в этом конфликте — между приверженцами традиционных ценностей и наци-

ональных государств, с одной стороны, и глобализированными элитами, с другой, проходит по вопросу миграционной политики [7, с. 185].

В программных установках популистских партий нередко обнаруживается довольно сложное соединение “правой” националистической, консервативной социально-культурной составляющей и левых экономических подходов. Поэтому популизм нельзя считать идеологией. Это скорее политический стиль, нацеленный на завоевание максимально широкой общественной поддержки. Популизм — это стратегия политической борьбы, которая подразумевает непосредственное обращение к “обычному народу” и противопоставление “добродетельного народа” “коррупцированной элите” [8, с. 15].

Рассматривая появление и электоральный успех антисистемных партий, следует отметить сложность самого феномена антисистемности в современных обществах, поскольку мейнстримные партии, стремясь получить электоральную поддержку, используют риторику популистских партий, а популистские силы, получив депутатские мандаты, уменьшают свой “радикальный пыл” и начинают работать в формате мейнстрима. Таким образом, происходит их сближение по ряду важных вопросов, которые волнуют европейские общества (миграционная политика, мультикультурализм, содержание евроинтеграции и др.). В таких условиях популистским партиям приходится сталкиваться с дилеммой: как оставаться частью властной системы, имея выгоду от этого, и одновременно получать поддержку от той части электората, которая критически относится к системе? На протяжении партийно-политической эволюции в Словакии сложилась парадоксальная ситуация: популистские силы, риторика которых имела определенную антиэлитарную и антисистемную направленность, одновременно функционировали как часть политического истеблишмента, в том числе и его персональной составляющей — властной элиты [9]. Среди наиболее типичных носителей этих противоречий можно выделить партию “Смер — Социальная демократия” (“Смер — СД”), Движение за демократическую Словакию, Словацкую национальную партию.

Популистские партии и движения набирают силу в странах с очень разными социально-экономическими параметрами развития и существенно отличающихся в социокультурных контекстах — от процветающих Швеции и Германии до переживающей затяжной кризис Греции. В 2014–2019 гг. наблюдался подъем лево- и правопопулистской волны в государствах Европейского союза. Преобладание в той или иной стране “новых левых” или “новых правых” во многом зависит от ее политической истории [7, с. 192].

Идеологические и институционально-организационные особенности партий “новой политики”, как считает Е. Спасский, привели к появлению новых типологических разработок. Одна из них — теория “сетевых политических партий”, согласно которой партии, переходя в онлайн пространство, начинают трансформироваться организационно и проводить свою политику, учитывая особенности информационной сети [1, с. 111].

Х. Маргиттс предложила дополнить типологию партий (кадровые, массовые, всеохватные, картельные) новым типом — киберпартии. Основное отличие этого нового типа она видит в отказе от обычного формального членства и переходе на прямые связи с избирателями [10]. Л. Сморгунув выделяет следующие признаки киберпартий: а) прямые связи с избирателями; б) отсутствие членства; в) сетевые каналы коммуникации; г) партии как организации (не институты) функционируют на границе между государством и обществом; д) высокий уровень персонализации политики [11, с. 30]. Эта характеристика присуща тем традиционным партиям, которые начинают активно использовать Интернет в своей деятельности. Например, “За лучшую Венгрию” (“Йоббик”), Партия свободы в Нидерландах, созданная Г. Вилдерсом, “Движение Паликотта” (Польша), “Движение пяти звезд” (Италия), “Обычные люди и независимые личности” (Словакия) и др.

Итак, кроме того, что популистские партии не имеют четких идеологических установок, используя в своих мессиджах максимы различных идеологических доктрин, исходя из практической надобности, они к тому же отказываются и от создания организационных структур и партийного членства, обращаясь к избирателям посредством средств массовой коммуникации и социальных сетей.

Таким образом, практически повсеместно в ходе выборов последних лет в странах ЕС ослабевают позиции системного партийно-политического истеблишмента и соответственно усиливается роль тех партий, которые принято характеризовать как популистские. Сегодня для их обозначения входит в оборот новый и более удачный термин — *challenger parties* (“партии, которые бросают вызов”). Причины этого весьма разнообразны, и в каждом конкретном случае имеется своя страновая специфика. Вместе с тем их общим знаменателем является растущее недовольство масс моделью выработки политических решений — моделью, которая дает, как отмечают некоторые политологи, “возможность гражданам менять только правила, но не политику” [12, с. 12].

Поэтому есть основания ожидать определенной эрозии центристской политики основных системных партий и соответствующего усиления радикальных, популистских тенденций в европей-

ской политике. Длительное доминирование центристской политики в значительной степени выхолостило существенные различия между главными системными партиями европейского мейнстрима. На этом фоне определенная часть избирателей воспринимает активизацию радикализма и популизма как свидетельство появления у них реальных политических альтернатив.

Альтернативные (антисистемные, популистские) партии характеризуются следующими основными чертами. Во-первых, они противопоставляют себя традиционным и считают себя единственными силами, способными защитить интересы всего народа. Во-вторых, антисистемные партии принимают участие в политике, используя агрессивный стиль оппозиционной борьбы. В-третьих, идеологической основой подобных партий выступает “харизматичный популизм”. В-четвертых, их мессиджам свойственны антииммиграционные, евроскептические, антиглобалистические настроения. В-пятых, они имеют низкий уровень институционализации.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2016: РАЗМЫВАНИЕ МЕЙНСТРИМА ПОПУЛИЗМОМ

И. Матович, лидер победившей на парламентских выборах 2020 г. партии “Обычные люди и независимые личности” (слов. *OLaNO*), назвал свою победу “третьей революцией” в Словакии: первая в 1989 г. покончила с эпохой коммунизма, вторая в 1998 г. победила “мечиаризм” (стагнация во время премьерства В. Мечиара), а третья завершила эру “фицизма” (пребывание у власти партии Р. Фицо “Смер — СД”) [13].

В развитии партийной системы Словацкой Республики действительно прослеживается несколько периодов, которые характеризуются своеобразной акторной структурой и конфигурацией политических сил. Практически для каждого периода свойственна нестандартная конфликтная линия, определяющая особенности функционирования всей системы.

Начальный период многопартийности (1990—1992 гг.) отличался высоким уровнем фрагментации в ходе демократических преобразований и дезинтеграционных процессов в Чехословакии. Основной конфликтной линией среди главных политических акторов стало отношение к бывшему режиму.

Для политического развития Словакии в 1992—1998 гг. характерен двухполюсный формат партийной системы, основанный на социально-политической дихотомии “мечиаризм — антимечиаризм”. А после 1998 г. новым элементом конструкции стал феномен “третьей силы”, или так называемые альтернативные партии, применяющие тактику цен-

тристского популизма. К таковым можно отнести Партию гражданского согласия, “Смер”, “Альянс нового гражданина” [14, сс. 58-67].

Парламентские выборы 2002 г. ознаменовали начало нового периода в развитии партийной системы Словакии. Политическое взаимодействие между партиями на основе отношения к мечиаровскому режиму постепенно отошло в прошлое, и начиная с 2002 г. в стране конкурируют правые и левоцентристские партии, но при этом возникают и новые конфликтные линии (“еврооптимизм – евроскептицизм”, “словаки – венгры” и др.). А уже с 2006 г. самой влиятельной партией становится “Смер – Социальная демократия” (слов. *Smer – SD*) во главе с Р. Фицо. “Структурное ядро” партийной системы составляли три политические силы: “Смер – СД”, Словацкий демократический и христианский союз (СДХС), Христианско-демократическое движение (ХДД), которые идеологически представляли левый и правый центр, имели значительный опыт как правительственной, так и оппозиционной деятельности и принимали участие в реализации власти. Так длилось до 2016 г., когда по результатам парламентских выборов кардинально изменился акторный состав и конфигурация партийной системы. Как подчеркивает Д. Малова, в контексте парламентских выборов 2016 г. обострился конфликт между так называемыми мейнстримными партиями и новыми партиями “антиистеблишмента” [15, р. 5].

Участие в выборах в Национальный совет Словацкой Республики 5 марта 2016 г. принимали 23 политические партии. При электоральной явке в 59.8% восемь партий преодолели 5%-й избирательный барьер. По результатам выборов 2016 г. Г. Мессежников сделал вывод о “деконструкции”

партийной системы Словацкой Республики, поскольку депутатские мандаты получили партии, которые не имеют четкого идеологического профиля и опыта государственного управления, а их избирательные лозунги характеризуются популизмом [16]. В то же время политические объединения, которые составляли основу партийной системы – СДХС с результатом 0.26% и ХДД с 4.94%, – не смогли преодолеть избирательный барьер. При этом электоральный показатель партии “Смер – СД” снизился по сравнению с 2012 г. на 16% голосов избирателей, что привело к потере 34 депутатских мандатов [17].

Ослабление влияния традиционных партий освобождает электоральное пространство для “новых” сил без опыта политической деятельности и обоснованных программно-идеологических позиций. В парламент прошли сразу три новые партии: “Мы семья – Борис Коллар”, “Сеть”, “Котлеба – Народная партия Наша Словакия”. Результаты выборов в Национальный совет Словацкой Республики представлены в табл. 1.

Таким образом, по сравнению с 2010 г. словацкая партийная система обновилась на 75%, поскольку шесть из восьми партий, представленных в Национальном совете в 2016 г., не имели опыта парламентской деятельности. Такое резкое изменение акторного состава свидетельствует о высоком уровне электоральной волатильности и, соответственно, о низком уровне ее институционализации.

Среди восьми политических партий, получивших депутатские мандаты, шесть придерживались правой риторики (правоцентристские и правые партии), кроме партии “Смер – СД” и венгерской партии “Мост”. Успех неонацистов и антисистемных партий, раздробленный парламент, невнятный

Таблица 1. Результаты выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 2010–2020 гг.

Партии/блоки	2010		2012		2016		2020	
	%	м ¹	%	м	%	м	%	м
<i>Smer – SD</i> (“Смер – Социальная демократия”)	34.8	62	44.4	83	28.3	49	18.3	38
<i>SDKÚ – DS</i> (Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия)	15.4	28	6.1	11	0.3			
<i>SaS</i> (“Свобода и солидарность”)	12.1	22	5.9	11	12.1	21	6.2	13
<i>KDH</i> (Христианско-демократическое движение)	8.5	15	8.8	16	4.9		4.7	
<i>MOST – HÍD</i> (“Мост”)	8.1	14	6.9	13	6.5	11	2.1	
<i>SNS</i> (Словацкая национальная партия)	5.1	9	4.55		8.6	15	3.2	
<i>OĽaNO</i> (“Обыкновенные люди и независимые личности”)			8.6	16	11.0	19	25.0	53
<i>Kotlebovci – LSNS</i> (“Котлебовцы – Народная партия – Наша Словакия”)	1.3		1.6		8.0	14	7.97	17
<i>Sme rodina</i> (“Мы – семья”)					6.6	11	8.2	17
<i>SIEŤ</i> (“Сеть”)					5.6	10		
<i>Za ľudí</i> (“За людей”)							5.8	12

¹м – количество депутатских мандатов.

Составлено авторами по данным [17, 18, 19, 20].

формат коалиции – вот так в общих чертах можно охарактеризовать результаты парламентских выборов в Словацкой Республике в 2016 г.

Среди 15 партий, которые не преодолели избирательный барьер, но до недавнего времени были влиятельными политическими силами, можно отметить следующие: Партия венгерской коалиции, Христианско-демократическое движение (партия имела депутатские мандаты в парламенте, начиная с 1992 г.), Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия (в предыдущем парламенте имела 11 мандатов).

Неожиданностью выборов стало преодоление избирательного барьера ультраправой “Народная партия Наша Словакия”. Последняя активно использует в своей деятельности политические кампании антиромского, антииммигрантского и антимусульманского характера, апеллируя при этом к защите словацкой национальной идентичности и традиционных христианских ценностей [21, с. 264].

По результатам выборов Р. Фицо (лидер партии “Смер – СД”) образовал коалицию, в которую вошли: “Смер – СД”, Словацкая национальная партия, партии “Мост” и “Сеть” (всего 85 депутатов). Следует отметить, что создание коалиции – это не только наличие определенного количества депутатских мандатов, необходимых для его формирования, но и новые векторы политики, договоренности и перспективы. Образование такого формата коалиции указывает на следующие особенности словацкого политикума: а) состоялось историческое примирение словацких националистов (СНП) и партии венгерского меньшинства “Мост”; б) слабость оппозиции и неспособность создать альтернативный формат коалиции; в) участие в коалиции партий “Мост” и “Сеть”, лидеры которых во время избирательной кампании позиционировали себя как альтернатива Р. Фицо.

Итак, по результатам выборов в Национальный совет Словацкой Республики существенно изменился формат партийной системы: она осталась без доминирующей партии, которой до этого была “Смер – СД”, и на этом фоне приобрела очертания двухблоковой. Идеологический профиль партий-победительниц таков: “Смер – СД” (популисты-левоцентристы), “Сеть”, “Мы семья – Борис Коллар”, “Обычные люди и независимые личности” (правоцентристские популисты), Словацкая национальная партия (правые популисты), партия “Свобода и солидарность”, “Мост” (правые партии), “Котлеба – Народная партия Наша Словакия” (ультраправые популисты).

Как отмечают И. Дудинская и М. Цирнер, под влиянием так называемой постфактальной демократии и кризиса партий изменяется характер партийно-политической конкуренции, идет усиление

нетрадиционных, популистских политических субъектов в современной Словакии [22, с. 324].

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2020: ТРИУМФ ПОПУЛИЗМА ИЛИ “ПЕРЕЗАГРУЗКА” ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Участие в парламентских выборах 2020 г. приняли более 66% избирателей – это своеобразный электоральный рекорд за последние 14 лет. По результатам парламентское представительство получили шесть политических сил, которые вместе собрали 71.5% голосов избирателей. Доля так называемых потерянных голосов составила 28.5% и стала самой высокой в электоральной истории Словакии (до этого самый высокий показатель в 1992 г. – 23.8%) [18].

Первое место с результатом 25.0% получила популистская партия “Обычные люди и независимые личности”. Политическая платформа партии является идеологически аморфной, сочетая консервативные, либеральные позиции и антисистемные лозунги. Главный избирательный мессидж ее лидера И. Матовича: “Мы имеем захваченное государство” [13]. Таким образом, свою кампанию *OLaNO* построила на лозунгах борьбы с мафией и коррупцией, умело используя при этом тему убийства журналиста (Я. Куциака) и его девушки², и заявляя, что правящая партия – это банда преступников и воров. Уходящий премьер страны П. Пеллегрини по поводу победы И. Матовича подчеркнул, что тот – обладатель хорошего маркетинга, однако последнее – лишь средство прихода к власти, для управления страной этого недостаточно [23]. Время покажет, сможет ли И. Матович трансформироваться из оппозиционера в государственного деятеля.

Действующая партия власти “Смер – СД”, которая руководила государством с 2006 г. (с непродолжительным перерывом в 2010–2012 гг.), получила второе место с показателем в 18.3% голосов избирателей. Она имеет очень низкий коалиционный потенциал, так как все ее партнеры по объединению 2016–2020 гг. не преодолели избирательный барьер. Проблемы “Смер – СД” начались в 2014 г., когда на президентских выборах победил конкурент Р. Фицо – А. Киска, и углубились после отставки Р. Фицо с поста премьер-министра в 2018 г. А затем партия Р. Фицо проиграла выборы в Европарламент в 2019 г.

² Резонансное убийство журналиста Я. Куциака и его невесты М. Кушнировой потрясло Словакию в феврале 2018 г. Я. Куциака расследовал дела о коррупции во властных структурах, а также возможные связи между итальянскими преступными группировками и словацкими государственными чиновниками. Убийство журналиста вызвало волну протестов в Словакии и привело к громким отставкам в правительстве.

Электоральный потенциал “Смер – СД” ослаб и в результате последних региональных (2017 г.) и коммунальных (2018 г.) выборов, но вместе с тем позволил сдержать волну кардинального политического обновления и антисистемного популизма на местном уровне. На коммунальных выборах каждые четыре года избирают депутатов органов местных представительств, старост муниципалитетов и мэров городов. Самоуправление на региональном уровне формируется с помощью выборов глав (жупанов) и депутатов представительств восьми краев. Региональные выборы 2017 г. продемонстрировали дальнейшее ослабление доминирующих позиций партии “Смер – СД”, которая по сравнению с прошлыми выборами 2013 г. значительно потеряла свое представительство, как на уровне руководителей краев (два жупана), так и на уровне депутатов представительных органов высших территориальных единиц (88 мандатов). Результаты выборов 2017 г. продемонстрировали и общий кризис доверия к партийным политикам, поскольку из 416 депутатских мандатов наибольшее количество (161) завоевали именно независимые кандидаты [24]. Также на коммунальных выборах в 2018 г. партия “Смер – СД” получила меньше кресел мэров и старост – 592 (20.4%), тогда как в 2014 г. – 847 (29.1%). В местные представительства от “Смер – СД” были избраны 3692 (17.9%) депутата вместо 5123 (24.7%) в 2014 г. Лидируя среди политических партий, “Смер – СД” уступила по количеству мандатов независимым кандидатам, которые получили в 2018 г. 7301 (35.4%) депутатских мест и 1232 (42.4%) должностей мэров и старост [25]. Как считает О. Гиарфашова, в проекции будущего развития партии “Смер – СД” вопрос заключается в том, повторит ли она судьбу некогда могущественного Движения за демократическую Словакию (В. Мечиар), о котором сегодня никто не вспоминает, или сможет трансформироваться в современную социал-демократическую партию, которой не хватает современной Словакии [26].

Третье место занял еще один популистский проект, основанный бизнесменом Борисом Колларом, – партия “Мы – семья”, за которую отдали голоса 8.24% словаков. Политическая сила не имеет определенного идеологического ядра (смесь левой риторики, евроскептицизма, социального и национального консерватизма), ориентируется на популярные тренды общественного мнения и нестандартные подходы к решению актуальных проблем.

Крайне правая партия “Котлебовцы – Народная партия Наша Словакия” с 7.97% голосов (17 мандатов) заняла четвертое место. Партия М. Котлебы, по сути, повторила результат, достигнутый четыре года назад, но при этом сохраняет потенциал роста, поскольку за нее голосует немало молодежи. Ее идеологический профиль остается

неизменным – смесь ультранационализма, популизма, евроскептицизма и антиглобализма.

Пятая позиция у праволибертарианской евроскептической “Свободы и солидарности” во главе Р. Суликом, которая выступает за “новую” политику, опирается на инновационные маркетинговые технологии и активную коммуникацию в социальных сетях.

В парламент удалось пройти еще одному новому политическому субъекту – партии экс-президента А. Киски “За людей”, которую отличает выраженный программно-идеологический профиль. Партия позиционируется как проевропейская, правоцентристская политическая сила, пытающаяся совместить либеральные и консервативные лозунги и методы деятельности.

Учитывая успех на президентских и европейских выборах, либерально мыслящие граждане возлагали много надежд на пропрезидентскую коалицию партий “Прогрессивная Словакия – Вместе”. Но коалиция, которой прочили более 10% на выборах 2020 г., получила только 6.97% голосов избирателей, не преодолев 7%-й барьер, установленный законом для блоков. Партии “Прогрессивная Словакия” и “Вместе” занимают либеральную нишу в идеологическом спектре, поддерживая также экологические приоритеты развития страны [26]. Партии коалиции накопили огромный экспертный потенциал и стали политическим “домом” для молодых и образованных людей, которым теперь нужно искать канал для парламентского представительства своих интересов.

Впервые за всю историю независимой Словакии в новом парламенте не будет этнически ориентированной партии, которая представляла бы интересы венгерской общины, составляющей 10% населения страны. Участие партии “Мост” в противоречивой коалиции с “Смер – СД” и СНП не осталось без внимания ее сторонников и негативно сказалось на общем результате партии (2.1%). Новая партия “Венгерское товарищество”, с которой партия “Мост” безуспешно вела переговоры о сотрудничестве перед выборами, также не получила представительства в парламенте, несмотря на достаточно высокий результат (3.9%). Наряду с венгерскими партиями не смогла преодолеть барьер и Словацкая национальная партия (3.16%), лидер которой А. Данко был председателем парламента. В течение правительственной деятельности партия отошла от радикальных, националистических позиций, в результате потеряв часть протестного электората.

Второй раз подряд на парламентских выборах не смогло получить нужного количества голосов избирателей некогда влиятельное Христианско-демократическое движение (4.65%), которое с 1990 по 2016 г. постоянно присутствовало в парламенте, что также сигнализирует о кризисе программных партий.

Создание коалиции в составе “Обычные люди и независимые личности”, “Мы – семья”, “Свобода и солидарность”, “За людей” несет в себе потенциальные риски для продолжительности и результативности функционирования правительства: во-первых, коалиционные партнеры не имеют опыта сотрудничества; во-вторых, партиям не хватает опыта управления государством; в-третьих, согласование позиций деятельности будет непростым, поскольку “Обычные люди и независимые личности”, “Мы – семья” – партии популистские, а “Свобода и солидарность”, “За людей” – идейно профилированные.

Таким образом, результаты парламентских выборов 2020 г. показали, что партийная система Словакии в континууме между мейнстримом и популизмом еще ближе подошла ко второму. Популистские силы, которые получали представительство в словацком парламенте по результатам выборов 2010–2020 гг., представлены в табл. 2.

Как показывают статистические данные, количество мандатов, которое получают популистские партии, постоянно увеличивается, и в 2020 г. таких

было уже 87 из 150. В табл. 2 популизм классифицирован нами в двухполярном измерении: “левые – правые”, “мейнстрим – популизм” [8, сс. 12–27].

Если просчитать соотношение политических сил в континууме “мейнстрим – популизм” по результатам парламентских выборов 2010–2020 гг. (табл. 3), то можно увидеть, что такое соотношение сложилось в пользу популистских сил, и в 2020 г. уже больше половины депутатских мандатов Национального собрания Словацкой Республики принадлежало им: 58% мандатов получили популисты и 42% – мейнстримные партии.

Итак, наше исследование свидетельствует о том, что по результатам парламентских электоральных циклов 2016–2020 гг. в партийной системе Словакии преобладают популистские политические партии, при этом их доля возрастает. К основным причинам подъема популизма в Словакии относим:

1) денационализацию политики и увеличение значения глобальных управленческих структур на уровне Европы и мира. С одной стороны, это порождает политический пессимизм и абсентеизм,

Таблица 2. Популистские политические силы, представленные в парламенте Словацкой Республики по результатам выборов 2010–2020 гг.

Партии/блоки	Год образования	Тип популизма (за лево-правой шкалой)	Выборы (количество мандатов)				Участие в правительственной коалиции
			2010	2012	2016	2020	
<i>SNS</i>	1990	правый популизм	9		15		1992–1994 ¹ 1994–1998 2006–2010 2016–2020
<i>OLaNO2</i>	2011	правоцентрист. популизм		16	19	53	2020–
<i>Kotlebovci – LSNS</i>	2010	ультраправый популизм			14	17	
<i>Sme rodina</i>	2015	правоцентрист. популизм			11	17	2020–
Всего мандатов			9	16	59	87	

¹ В 1992 г. СНП неофициально поддерживала правительство меньшинства В. Мечиара.

² На выборах 2020 г. название партии – *OLaNO – NOVA – KÚ – Zmena zdola* (Обычные люди и независимые личности – Новая – Христианский союз – Изменения снизу).

Составлено авторами по данным [17, 18, 19, 20].

Таблица 3. Соотношение политических сил “мейнстрим – популизм” в Национальном собрании Словацкой Республики по результатам парламентских выборов 2010–2020 гг.

	Парламентские выборы			
	2010	2012	2016	2020
Политические силы популистского направления	<i>SNS</i> (9)	<i>OLaNO</i> (16)	<i>OLaNO</i> (19) <i>SNS</i> (15) <i>LSNS</i> (14) <i>Sme rodina</i> (11)	<i>OLaNO</i> (53) <i>LSNS</i> (17) <i>Sme rodina</i> (17)
Мейнстримные/ непопулистские партии	<i>Smer – SD</i> (62) <i>SDKÚ – DS</i> (28) <i>SaS</i> (22) <i>KDH</i> (15) <i>Most</i> (14)	<i>Smer – SD</i> (83) <i>SDKÚ – DS</i> (11) <i>SaS</i> (11) <i>KDH</i> (16) <i>Most</i> (13)	<i>Smer – SD</i> (49) <i>SaS</i> (21) <i>Most</i> (11) <i>SIET</i> (10)	<i>Smer – SD</i> (38) <i>SaS</i> (13) <i>Za ľudí</i> (12)
Соотношение (мандаты)	9:141	16:134	59:91	87:63
Соотношения (%)	6:94	10:90	39:61	58:42

Составлено авторами по данным [17, 18, 19, 20].

а с другой — создает почву для деятельности популистских партий, которые в своих мессиджах используют антиглобалистские, антииммигрантские и евроскептические лозунги;

2) медиатизацию политики, которая способствует уменьшению роли партийного аппарата и усиливает непосредственную связь партийных лидеров с избирателями, способствуя таким образом персонализации политики. В нашем случае мы можем констатировать довольно высокую степень персонификации словацких партий, что, с одной стороны, усиливает их электоральную идентификацию с популярными лидерами (Р. Фицо, М. Котлеба, Б. Коллар), но с другой — ослабляет институциональную и идеологическую основу их деятельности, создает угрозу для существования партий без собственного “лица”, усложняет институционализацию партийной системы в целом;

3) низкий уровень институционализации политических партий и партийной системы в целом. В таком состоянии партийные системы сами продуцируют популизм и создают возможности для появления популистских движений. Успешную институционализацию партийной системы связывают с выполнением следующих условий. Во-первых, с наличием стабильных правил и характера партийной борьбы. Это значит, что конфигурация партийной системы не будет меняться с каждым выбором, не возникнет много новых партий, и непредсказуемость результатов выборов останется низкой. Во-вторых, партии, глубоко укоренившиеся в обществе, позволяют структурировать предпочтения избирателей за счет относительно стабильных идеологических позиций. В-третьих, необходима легитимность партий и выборов в глазах избирателей. Наконец, партийные организации должны иметь независимый статус и ценность сами по себе и не зависеть от лидеров. Ряд условий, к сожалению, не соблюдается в Словакии. Индекс волатильности как показатель уровня институционализации партийной системы по результатам выборов 2020 г. достаточно высок и составляет 33.95. Такой показатель указывает на низкий уровень институционализации партийной системы и ее нестабильность. Для сравнения, по результатам украинских парламентских выборов 2019 г. он составлял 69;

4) политическое отчуждение и высокий уровень недоверия граждан к мейнстримным партиям и политикам. Согласно социологическим данным (опрос агентства FOCUS в сентябре 2018 г.), ключевым словацким политикам, как властным, так и оппозиционным, скорее или полностью не доверяет большинство респондентов (от 55 до 83%) [27]. При таких условиях трудно говорить об общественном восприятии власти как институционального образования, которое действует в инте-

ресах людей и способно решить их проблемы. Не доверяя политикам, граждане часто отказываются от политического участия, в том числе и электорального, тем самым не артикулируя свои политические предпочтения и снимая с себя ответственность за неудачный выбор;

5) рост популизма в предвыборных кампаниях партий. Необоснованные обещания, демагогические лозунги для повышения популярности — составная риторика словацкой политической элиты. Социальный и национальный популизм — это электорально восприимчивые темы, которые используют в избирательных кампаниях как оппозиционные, так и властные партии, начиная с “Движения за демократическую Словакию” В. Мечиара. От властного или оппозиционного статуса партии зависит только интенсивность использования популистских лозунгов и их сущность. В таких условиях политическое отчуждение и недоверие граждан, безусловно, будет только расти. Еще более деструктивно сочетание популистских лозунгов и протеста против всех, который демонстрируют такие политические субъекты, как “Мы семья — Борис Коллар”, “Обычные люди и независимые личности” и “Котлеба — Народная партия Наша Словакия”. Стратегия этих партий основана на неограниченной критике властного истеблишмента без предложения конкретной обоснованной альтернативы для решения экономических и социальных проблем.

* * *

Итак, последние парламентские выборы в Словакии зафиксировали ряд сложных тенденций партийно-политического развития, часть из которых прослеживалась уже в рамках нескольких электоральных циклов, а часть — проявилась начиная с 2016 г. Среди основных деструктивных тенденций в развитии современной партийной системы Словакии следует выделить следующие: распад ее “структурного ядра”, которое долгое время определяло рамки политического процесса и было основой стабильности, прогнозируемости развития; дальнейшая плюрализация парламентского представительства партий, неустойчивость и резкое обновление состава в 2016 и 2020 гг., что не способствует стабильности парламентско-правительственной системы; асимметрия в проекции двухмерной шкалы “левые — правые” и чрезмерная фрагментированность правого спектра, что затрудняет формирование коалиций; усиление электорального влияния и количественного представительства политических субъектов популистской, антисистемной направленности; рост популярности и представительство в парламенте партии, деятельность которой имеет правоэкономистские признаки; низкий уровень институционализации политических партий и партийной конфигурации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Спасский Е. Трансформация политических партий и их типологическая концептуализация: опыт западной партологии. *Полития*, 2008, № 2, сс. 103-111. [Spasskii E. Transformatsiya politicheskikh partii i ikh tipologicheskaya kontseptualizatsiya: opyt zapadnoi partologii [Transformation of Political Parties and Their Typological Conceptualization: Experience of Western Parties' Studies]. *Politiya*, 2008, no. 2, pp. 103-111.] DOI: 10.30570/2078-5089-2008-49-2-103-113
2. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания. *Политическая наука: Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем*, 2004, № 4, сс. 204-235. [Lipset S., Rokkan S. Struktury razmezhevanii, partiinye sistemy i predpochteniya izbiratelei. Predvaritel'nye zamechaniya [Structures of Delimitations, Party Systems and Preferences of Voters. Preliminary Remarks]. *Politicheskaya nauka: Sotsial'no-politicheskie razmezhevaniya i konsolidatsiya partiinykh sistem*, 2004, no. 4, pp. 204-235.]
3. Сморгунов Л. Сетевые политические партии. *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 21-37. [Smorgunov L. Setevye politicheskie partii [Network Political Parties]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 21-37.] DOI: 10.17976/jpps/2014.04.03
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. *Полис. Политические исследования*, 1997, № 4, сс. 6-32. [Inglkhart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodernity: Changing Values and Changing Societies]. *Polis. Political Studies*, 1997, no. 5, pp. 6-32.]
5. Мартыанов Д. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере “зеленых” и пиратов). *Вестник Пермского университета. Политология*, 2013, № 2, сс. 20-32. [Mart'yanov D. Sravnitel'nyi analiz postmaterialisticheskikh partii (na primere “zelenykh” i piratov) [Comparative Analysis of Post-Materialist Parties (on the Example of “Green” and Pirates)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2013, no. 2, pp. 20-32.]
6. Вайнштейн Г. Трансформация западноевропейского политического ландшафта и институционализация анти-системной политики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 5, сс. 17-28. [Vainshtein G. Transformatsiya zapadnoevropeiskogo politicheskogo landshafta i institutsionalizatsiya antisistemnoi politiki [Transformation of the West European Political Landscape and the Institutionalisation of Anti-Systemic Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 17-28.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-17-28
7. Соловьев Э. Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? *Контуры глобальных трансформаций*, 2018, т. 11, № 3, сс. 185-198. [Solov'ev E. Evolyutsiya partiinykh sistem: novaya tochka bifurkatsii? [Evolution of Party Systems: a New Point for Bifurcation?]. *Kontury global'nykh transformatsii*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 185-198.] DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198
8. Осколков П. *Правый популизм в Европейском Союзе*. Москва, Институт Европы РАН, 2019. 164 с. [Oskolkov P. *Pravyy populizm v Evropeiskom Soyuze* [Right-Wing Populism in the European Union]. Moscow, Institut Evropy RAS, 2019. 164 p.]
9. Mesežnikov G. Štvrťstoročie populizmu na Slovensku: vo vláde a v opozícii. *Denník N*, 12.05.2016. [Meseznikov G. A Quarter of a Century of Populism in Slovakia: in Government and in Opposition. *Denník N*, 12.05.2016. (In Slov.)] Available at: <https://dennikn.sk/458294/stvrtstoroicie-populizmu-slovensku-vo-vlade-opozicii/> (accessed 15.03.2020).
10. Margetts H. Cyber Parties. *Handbook of Party Politics*. London, Sage, 2006, pp. 528-536.
11. Сморгунов Л. Сетевые политические партии. *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 21-37. [Smorgunov L. Setevye politicheskie partii [Network Political Parties]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 21-37.] DOI: 10.17976/jpps/2014.04.03
12. Вайнштейн Г. *Электоральный фактор в эволюции партийного ландшафта Европы*. Москва, Институт Европы РАН, 2016. 114 с. [Vainshtein G. *Elektoral'nyi faktor v evolyutsii partiinogo landshafta Evropy* [Electoral Factor in the Evolution of the Party Landscape of Europe]. Moscow, Institut Evropy RAS, 2016. 114 p.]
13. Воротнюк М. *Прививка популизмом: какие последствия будет иметь смена власти в Словакии*. 04.03.2020. [Vorotnyuk M. *Privivka populizmom: kakie posledstviya budet imet' smena vlasti v Slovakkii* [Vaccination by Populism: Consequences of Changing the Power in Slovakia]. 04.03.2020]. Available at: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2020/03/4/7107068/> (accessed 15.03.2020).
14. Остапеч Ю., Гайданка Е., Ключкович А., Марадик Н. *Еволюція партійних систем країн Вишеградської четвірки: досвід для України*. Ужгород, ЗПППО, 2014. 256 с. [Ostapets Ju., Haydanka Ye., Klyuchkovych A., Maradik N. *Evolution of Party Systems in “Visegrad Four” Countries: Experience for Ukraine*. Uzhgorod, ZIPPO, 2014. 256 p. (In Ukr.)]
15. Malová D. *Transformation Experiences in Slovakia: Governing Uncertainty*. Berlin, FES, 2017. 14 p. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/13081.pdf> (accessed 15.03.2020).
16. Mesežnikov G. *Slovenské voľby 2016: šok pre slovenskú demokraciu (22 březen 2020)*. [Meseznikov G. The 2016 Elections in Slovakia: a Shock to Democracy (22 March 2020). (In Slov.)] Available at: <https://cz.boell.org/cs/2016/03/22/slovenske-volby-2016-sok-pre-slovensku-demokraciu> (accessed 15.03.2020).
17. *The Election to the National Council of SR2016. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2016/en/data02.html> (accessed 15.03.2020).
18. *Election 2020 to the National Council of the Slovak Republic. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2020/en/data02.html> (accessed 15.03.2020).
19. *The Election of the Parliament of the Slovak Republic 2010. Voting Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2010/menu/indexv.jsp@lang=en.htm> (accessed 15.03.2020).

20. *The Election of the Parliament of the Slovak Republic 2012*. Voting Results. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2012/menu/indexv.jsp@lang=en.htm> (accessed 15.03.2020).
21. Ключкович А. *Перехід до демократії в Словаччині: динаміка та суперечності суспільно-політичних трансформацій*. Ужгород, АУТДОР-ШАРК, 2019. 416 с. [Klyuchkovych A. *Transition to Democracy in Slovakia: Dynamics and Contradictions of Socio-Political Transformations*. Uzhhorod, AUTDOR-SHARK, 2019. 416 p. (In Ukr.)]
22. Dudinská I., Cirner M. Vývoj straníckej politickej scény na Slovensku v rokoch 1989 až 2016. *Політичні партії і вибори: українські та світові практики*. Львів, Простір-М, 2017, сс. 308-326. [Dudinska I., Cirner M. Development of the Party-Political Scene in Slovakia from 1989 to 2016 (In Slov.)] [*Political Parties and Elections: Ukrainian and World Practices* (In Ukr.)]. Lviv, Prostir-M, 2017, pp. 308-326.]
23. Peter Pellegrini o Igorovi Matovičovi. *Denník N*, 01.03.2020. [Peter Pellegrini about Igor Matovic. *Denník N*, 01.03.2020. (In Slov.)] Available at: <https://dennikn.sk/minuta/1778962/> (accessed 15.03.2020).
24. *The Elections to the Bodies of Self-Governing Regions 2017. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/osk/osk2017/en/data03.html> (accessed 15.03.2020).
25. *The Elections to the Bodies of Communal Self-Government 2018. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/oso/oso2018/en/data01.html> (accessed 15.03.2020).
26. Gyárfášová O. *Slovenské voľby 2020: potvrdenie „stabilnej nestability“ (6 březen 2020)*. [Gyarfasova O. Slovak Elections 2020: Confirmation of “Stable Instability” (6 March 2020) (In Slov.)] Available at: https://cz.boell.org/cs/Slovak_elections_2020/ (accessed 15.03.2020).
27. *Press release. Agentura FOCUS*. 05.10.2018. Available at: http://www.focus-research.sk/files/n234_Dovera_nedovera%20k%20vybranym%20politikom_september%202018.pdf (accessed 15.03.2020).

**PECULIARITIES OF THE PARTY SYSTEM OF SLOVAKIA
IN THE CONTEXT OF PARLIAMENTARY ELECTRICAL CYCLES OF 2016–2020**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp.)

Received 28.05.2020.

Yurii A. Ostapets (yuriy.ostapets@uzhnu.edu.ua),

Uzhhorod National University, University Str., 14, Uzhhorod, 88000, Ukraine.

Anatoliy Yu. Klyuchkovych (anatoliy.klyuchkovych@uzhnu.edu.ua),

Uzhhorod National University, University Str., 14, Uzhhorod, 88000, Ukraine.

The article considers the structural changes in the party system of the Slovak Republic, taking place in 2016–2020 due to the strengthening of parties of anti-systemic populist orientation. The author researches the causes and factors of evolution of the party landscape in the EU countries towards institutionalisation of antisystemic policy. The development of the Slovak party system reflects the key trends in the political development of the EU countries with the weakening position of the systemic party establishment and the strengthening role of populist parties. The complexity of the phenomenon of antisystemic modern conditions is emphasized, since mainstream parties, seeking electoral support, use the rhetoric of populist parties, and populist parties, having obtained parliamentary mandates, weaken their radicalism and start working in the mainstream format. As a result of the 2016 parliamentary elections, the breakdown of the “structural nucleus” of Slovakia’s party system took place, which for two decades had been the basis of its stability and predictability of development. The weakening influence of “traditional” (Christian-Democratic, Conservative, Social-Democratic) parties freed up electoral environment for “new” populist, anti-systemic, right-wing extremist forces. Electoral statistics demonstrates that the influence of mainstream parties weakens at the regional and local levels of Slovak politics. The results of the 2020 parliamentary elections demonstrate that the party system of Slovakia in the continuum between mainstream and populism comes even closer to the populist format. The electoral triumph of populists and their convergence with programmatic parties within the parliamentary-governmental coalition raises new challenges for Slovakia’s political system. Among the main reasons for the rise of populism in Slovakia are the following: disappointment of citizens with the activities of the ruling elites; mediation and personalisation of policy; denationalisation of politics and increasing importance of global governance structures at European and world levels; increasing populism in Slovakian election campaigns; low level of institutionalisation of political parties and the party system as a whole. Attention is drawn to the destructive tendencies in the development of the modern party system of Slovakia. The collapse of the “structural core” of the Slovak party system and the further pluralisation of parliamentary representation of parties do not contribute to the stability and predictability of parliamentary-governmental activity. Increased electoral influence and parliamentary representation of political subjects of populist, anti-systemic and right-wing extremist orientation cause political risks for the stable democratic development of the Slovak Republic.

Keywords: Slovakia, parliamentary elections, party “Direction – Social Democracy”, party “Ordinary People and Independent Personalities”, mainstream, right-wing populism, euro-skepticism, anti-systemic parties, institutionalisation of the party system.

About authors:

Iurii O. Ostapets, Doctor of Political Science, Associate Professor.

Anatoliy Yu. Klyuchkovych, Doctor of Political Science, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-